

Леонардо да Винчи:

«ТЕОРИЯ – ПОЛКОВОДЕЦ, ПРАКТИКА – СОЛДАТЫ»

Несколько лет назад инженеры, взяв чертежи конструкций Леонардо да Винчи, решили построить по ним машины. Так, рождённые в веке пятнадцатом, пришли в век двадцатый вертолёт и планёр, первый самодвижущийся экипаж с пружинным механизмом, и парашют, и выдвижная пожарная лестница. Страшное наводнение обрушилось на Флоренцию. Стали думать, как избежать затопления в будущем, и тут нашли проект Леонардо, проект защиты города от будущих наводнений – подарок из века пятнадцатого веку двадцатому... В разные годы я прочитал разные книги о Леонардо, видел его картины в музеях Ленинграда, Лондона и Парижа. И всякий раз, читая эти книги и глядя на эти картины, думал о необыкновенном, фантастическом и, очевидно, единственном исключении, которое сделала природа для рода человеческого. Ей словно наскучила бесконечность обыденных характеров. Её не удовлетворяли даже умы исключительной силы, отдавшие свой гений живописи или механике, музыке или ратному искусству. Она захотела соединить все эти таланты в одном человеке, наделив его одного таким разнообразием совершенств, каких хватило бы на добрый десяток людей, наверняка бы вошедших в историю прогресса, – таким был Леонардо. Вазари, первый его биограф, писал: «Не говоря уже о красоте его тела, которая была выше всякой похвалы, в каждом его движении была бесконечная прелесть; он обладал такими дарованиями, что легко одолевал всякие встречавшиеся ему препятствия. Его громадная физическая сила соединялась с ловкостью, ум и смелость его всегда отличались каким-то царственным и великодушным характером...» По воспоминаниям современников, Леонардо – участник всех состязаний и турниров, прекрасный пловец, фехтовальщик, искуснейший всадник, шутник, остро слов и блестящий рассказчик, эрудит-оратор, любезнейший кавалер, танцор, певец, поэт, музыкант и конструктор музыкальных инструментов, гениальный художник и теоретик искусства, математик, механик, астроном, геолог, ботаник, анатом, физиолог, военный инженер, мыслитель-материалист, далеко обогнавший своё время, – весь этот спектр сконцентрировался линзой эпохи Возрождения, породив какое-то почти волшебное празднество духовной расточительности, которое едва ли отмечается в календаре человечества чаще чем один раз в тысячу лет. Это случилось 15 апреля 1452 года. У простой крестьянки, юной красавицы Катарины, родился сын Леонардо.

Его мать скоро умерла, и отец – флорентийский нотариус Пьеро да Винчи – взял незаконнорождённого сына в свой дом. У него было три мачехи, две последние – почти одногодки с Леонардо, и все любили его и баловали, так что сердце его не зачерствело без нежности, необходимой человеку хотя бы в детстве. В 14 лет стал он учеником великого тосканца Вероккио – скульптора и живописца, а в 20 лет был провозглашён «мастером», и действительно был уже мастером, неподражаемым и самобытным живописцем. Он работает всю жизнь и, очевидно, не представляет себе состояния, которое мы в быту называем отдыхом и покоем. Отдых для него лишь смена рода деятельности. Он творит всегда и везде. Когда его упрекали за то, что он долго не кончает «Тайную вечерю», он говорил, что упреки напрасны, что он занят только этой работой. – Да, но монахи говорят, что ты целыми днями не бываешь у картины, – возразил миланский герцог. – Ваше высочество знает, – ответил Леонардо, – что мне осталось написать только голову Иуды, который был, как известно всему миру, величайшим канальей. Следовательно, необходимо дать ему физиономию, вполне соответствующую столь чудовищной подлости. Поэтому в течение года, а может быть и более, я ежедневно, утром и вечером, хожу в Боргетто, где, как известно вашему высочеству, живут все мошенники и негодяи вашей столицы. Но до сих пор я ещё не могу найти ни одного злодейского лица, достаточно меня удовлетворяющего. Как только я найду такое лицо, я кончу картину в один день... Так он работал. Казалось бы, ему, избраннику судьбы, всё давалось легко. Но нет, его всегда обуревают сомнения. Он делает десятки эскизов и набросков перед тем, как приняться за картину. «Если все кажется лёгким, – говорит он своим ученикам, – это безошибочно доказывает, что работник весьма мало искусен и что работа выше его разума». Невиданная динамика «Благовещения», удивительный ритм и эмоциональная щедрость «Тайной вечери», почти мистический секрет улыбки «Моны Лизы» создали Леонардо-художнику всемирную славу, неподвластную четырём векам. Они стали символами таланта, хотя у таланта нет символов, и эталонами искусства, хотя у искусства не может быть эталонов. Его картины знают все. Но не все знают, что лишь копии и восторженные свидетельства поражённых современников остались нам от других работ его, очевидно теперь уже навсегда утерянных. Юношей он собрал в ящик жуков, кузнечиков, змей, мышей, ящериц и, глядя на них, нарисовал фантастическое чудовище, столь ужасное, что отец его, войдя в комнату, где в лучах яркого солнца стояла картина, обратился в бегство. Этой картины нет. Историк искусства Вазари рассказывает о великолепном картоне «Грехопадение Адама и Евы», отмечая: «...никто не достиг подобного совершенства». Картон исчез. Около трёх лет работает художник над эскизом полотна, которое должно было украсить большой зал флорентийского совета. Право на это оспаривали

два титана: 52-летний Леонардо и 30-летний Микеланджело. Современники не могли отдать предпочтение ни одной из них. И обе не дошли до нас. Потеряны портреты короля Франсиска I и королевы Клавдии, потеряна рукопись «Что предпочтительнее: скульптура или живопись?». Погибли десятки рисунков. Погибла расстрелянная гасконскими арбалетчиками модель конной статуи миланского герцога Франческо Сфорцы, над которой Леонардо работал 16 лет! Её воспевали поэты, люди со всей Италии приходили в Милан, чтобы увидеть это чудо... Почему я пишу об утраченных картинах и скульптурах? Леонардо ставил живопись выше всех других своих занятий и к концу своей жизни почитался более всего как великий художник. И если до нас дошло не более десяти его живописных работ, если в этом наследии его такие гигантские потери, то как же велики они в сфере научного и технического творчества! Но и при этом справедливом допущении как невероятно много сделал этот человек в мире науки и техники! Иногда он оставлял математические пометки на полях рукописей, на клочках, рисовал чертежи, не заботясь о том, как, например, будут ломать себе головы потомки над рисунком барки, о которой лишь мельком сказано, что она способна плыть против ветра. Может быть, он опередил Фултона с его пароходом – мы просто не знаем этого. В записной книжке мельком пометил, что сделал зарисовки Луны, но рисунки эти до сих пор найти не могут. Мы знаем, что за 40 лет до Коперника он написал трактат о вращении Земли, за три века до Лавуазье говорил о «жизненном воздухе», который мы называем кислородом, почти на 100 лет обогнал он Кардано, изобретателя камеры-обскуры, на 300 лет – Соссюра, изобретателя гигрометра. Он стоит на пороге начал гигростатики, открытых Паскалем, шаг отделяет его от телескопа Галилея. Леонардо да Винчи ввёл в математике знаки плюс и минус; бросая камни в воду, объяснил распространение звуковых волн; начертил со слов Америго Веспуччи первую карту Нового Света и высказал предположение, что «белый цвет есть причина всех цветов». До настоящего времени при всём могуществе нашей техники, несмотря на все усилия энтузиастов-изобретателей, орнитоптер – самолёт с машущими крыльями – не построен. Но я убеждён, что рано или поздно он будет построен, потому что Леонардо не ошибался. Он писал: «Птица есть аппарат, работающий на основе математических законов, поэтому для человека возможно сделать такой же аппарат, со всеми его движениями». Перед ним каскад прозрений в эпоху, когда алхимики бились над превращением ртути в золото, а схоласты спорили о том, материальна или нематериальна одежда ангела, принёсшего святой деве благовест. Дело даже не в количестве сделанных им открытий и не в том даже, что многие из них (геликоптер, например) далеко обогнали своё время. Леонардо да Винчи в науке – это зарождение эпохи опыта, эпохи, и ныне царствующей в исследованиях и проникшей в современные области науки, ещё не существовавшие во времена великого итальянца. Все окружающее было для него гигантской лабораторией, где исследовались мысль и чувство. «Одна только природа – наставница высших умов», – пишет он. А в другой раз

отмечает: «Истолкователем природы является опыт. Он не обманывает никогда. Наше суждение иногда обманывается, потому что ожидает результатов, не подтверждаемых опытом. Надо производить опыты, изменяя обстоятельства, пока не извлечём из них общих правил, потому что опыт доставляет истинные правила. Но к чему служат правила? – спросите вы. Я отвечу, что они, в свою очередь, направляют наши исследования в природе и наши работы в области искусства. Они предохраняют нас от злоупотреблений и от недостаточных результатов».

В этих словах – целая научная программа, сохранившая всю свою ценность и по сей день. Этот человек всю жизнь был зависим от сиятельных меценатов. У него были верные друзья и заклятые враги. Но даже здесь судьба сделала редчайшее исключение: у великого Леонардо были великие враги. Микеланджело, презрительно морща свой поломанный нос, утверждал, что его служанка разбирается в живописи и в скульптуре лучше, чем этот «миланский скрипач». Прозвище лишь подчёркивало многогранность Леонардо: он действительно был выдающимся музыкантом своего времени, любимцем пиров и карнавалов. Да, он был увлекающимся, даже несколько разбросанным, «разрывающимся на части», весёлым балагуром, то пугающим своих друзей живой ящерицей с пришитыми кожаными крыльями, то потешающим толпу механическим львом. Некоторые биографы порицают его за это. Но ведь это несправедливо, потому что он любил не искусство и не науку, а жизнь. Её видел он в новом механизме, и в прекрасном лице женщины, и в многоцветье радуги.

...Я помню: был тусклый денёк. Вода Луары странно ничего не отражала и словно не двигалась, лишь поигрывала скупыми, приглушёнными бликами далёкого невидимого солнца. Шпили и башни Амбуаза блестели от водяной пыли, бесшумно летевшей из низкой небесной мути, и все вокруг: дома, ещё не по-осеннему свежая трава и листва деревьев, плащи и куртки шумных и вертлявых американцев, дружно, как десантники из самолёта, посыпавшихся из туристского автобуса, и лицо моё – все покрывалось какой-то холодной испариной. Замок был заперт, нигде не видно было ни души, а в окошке кассы сидела строгая мордастая собака. Вскоре, впрочем, появилась милая спокойная женщина, спокойно и мило отослала собаку, оторвала билетки и с тюремным перезвоном большой связки ключей распахнула старые, но молодо блестящие от сырости двери. Я почему-то сразу посмотрел под ноги, на каменный пол и плавно, с изгибом седла, стёршийся порог и, войдя, оглянувшись на этот порог, а женщина с ключами, перехватив мой взгляд и поняв его, мило улыбнулась и спокойно кивнула мне, и я понял, что нога Леонардо касалась этого порога...

Последним покровителем да Винчи был Франциск I. Очевидно, король Франции действительно не только ценил, но и по-человечески любил гениального итальянца, к тому времени уже старика, известного нам по знаменитому автопортрету, величественного, благообразного и ухоженного, с красивой волнистой бородой и длинными волосами, которые блестели

словно белый шёлк. Здесь, в Амбуазе, своей крошечной столице, Франциск купил ему за 3500 золотых экю замок Кло Люсе, в котором Леонардо и поселился в 1516 году. Здесь он работал над проектом оригинальной канализационной системы и составил чертежи роскошного дворца Франциска. Здесь по памяти окончил свою «Мо-ну Лизу», не ведая о будущей великой славе этого портрета, побеждающего время. Далёкий от шумных дорог истории, Кло Люсе мало изменил свой облик за последние 450 лет. Цела просторная кухня – царство кухарки Матурины, её котлы, кастрюли и сковороды. Цела прохладная от неоштукатуренного красного кирпича столовая с окнами в мелком переплёте, с внутренними ставнями, с полукруглой нишей камина, в глубокой матовой черноте которого почти не видны обугленные поленья. Целы вечные, цвета крепкого чая, балки имбирного дерева на потолке и розовый каменный пол, и длинный стол с серебряными кувшинами итальянской работы, и кресло у камина с резной спинкой, такой высокой, что сзади нельзя было увидеть его белую блестящую голову, когда он сидел в этом кресле. Цела и спальня, письменный стол, за которым 23 апреля 1519 года он записал свою последнюю волю, завещая все своему ученику Франческо да Мелзи, не забыв указать отдельно, чтобы е го тёплое, отделанное кожей пальто чёрного сукна и два дуката отдала Матурине «в благодарность за её хорошее услужение».

Уже более ста лет замок Кло Люсе является собственностью аристократического рода Сен-Бриз, и все это, все вещи и мебель, кастрюльки Матурины и мордастая собака в каске, тоже принадлежит этой семье, и существуют вполне реальные люди, в современных костюмах, подстриженные как мы с вами, которые, как это ни дико, имеют полное юридическое право приехать сюда, отужинать в столовой у камина и выпасться на кровати Леонардо да Винчи. Надеюсь, они не пользуются этим правом...

Сохранив мемориальные комнаты, хозяева замка организовали в цокольном этаже очень интересный музей. По рисункам, чертежам и запискам Леонардо были восстановлены изобретённые им машины и механизмы. Невозможно пройти три комнаты полуподвала, чтобы ещё раз не подивиться необычайной мощи этого гения, ломающего все наши представления об эволюции человеческой мысли и закономерностях научно-технического прогресса. Все машины Леонардо должны были приводиться в движение мускульной силой человека. Он додумался до паровой пушки, но сделать следующий шаг – к паровому двигателю – не смог. Точнее, не успел, потому что он мог все. Ограниченный лишь силой человеческих мускулов, он тем не менее создаёт пружинный автомобиль и танк с пушками, самый настоящий танк, пусть он похож на шатёр крепостной башни. В музее Кло Люсе – модель подвесного моста, монтаж которого занимал считанные минуты. Рядом – зародыш пулемётов и «катюш» – многоствольная установка. Механизм для забивки свай. Прибор для измерения скорости ветра. Гидравлическая турбина. Первый разводной ключ.

Редуктор. Экскаватор. Парашют. Пожарная телескопическая лестница. Очень остроумный механизм, преобразовывающий поступательное движение во вращательное. Аппарат на колёсах, измеряющий пройденный путь и, подобно мальчику с пальчик, оставляющий на дороге отметку – сигнальный камешек. И поныне не осуществлённый на практике механизм для выгрузки рыбы из рыбачьих шаланд. Он измерял тела рыб и нашёл новый профиль днища корабля. Он препарировал крылья птиц и создал своё крыло с приводом для машущего полёта. И все работает! Установка палит из своих стволов, и ползёт вверх лестница, и падают на дорогу камешки, и крыло бьёт по воздуху! А на дворе было начало XVI века! Какая чудесная погода была тогда, в мае! Свет и тепло заливали зелёные поляны и свежую листву платанов парка, пели птицы и цвели цветы, – он так и не смог разгадать тайны той беспричинной радости, которую они дарят людям. Дубовые доски пола его спальни были золотыми от солнца, и из окна было видно, как весело бьются в небе маленькие дракончики узких флажков над башнями королевского замка. Радостная, щедрая волна вечного обновления катилась по земле, и была высшая несправедливость в этом финале великой драмы его жизни, который разыгрывался под красным бархатным занавесом, на постели, похожей на маленькую сцену. Он умер 2 мая 1519 года. Рядом сидел Франциск, и, глядя на некрасивое, уныло долгоносое лицо короля, Леонардо просил прощения у бога и людей за то, что сделал в своей жизни так мало. На кладбище за его гробом шли с факелами шестьдесят бедняков, которым он завещал милостыню. Могилу его потеряли ещё в XVII веке и, если бы не искусствовед Арсен Гуссе, возможно, никогда и не нашли бы. Вместе с садовником королевского замка он перекопал много земли, прежде чем наткнулся на висо-колобий череп, в котором ещё сохранились зубы. Рядом Гуссе нашёл камень с полустёртыми буквами INC. Потом два других камня. На одном можно было прочесть: DUS, на другом LEO. Тогда он понял, что когда-то на плите было написано: LEONARDUS VINCIUS – имя человека, череп которого он держал в руках.